

*Кандидат философских наук,
заместитель начальника кафедры философии и психологии
Восточно-Сибирского института МВД России
А. Е. Смирнов
Иркутск*

О СТАТУСЕ ПОНЯТИЙ ВОЙНЫ И НАСИЛИЯ В ГЕТЕРОНОМИИ Э. ЛЕВИНАСА

Одной из актуальных проблем современных теорий толерантности и социальной гетерологии является выяснение условий возможности существования субъектной множественности. Сегодня стало ясно, что простая констатация факта «плюрализма» – такая же бесполезная стратегия, как и постулирование гомогенного «единства». Социальные образования, организованные по типу органической целостности, исключают пространство для ответственного решения, в них нет места для этики и политики. Множественность как таковая также есть синоним непродуктивного, нежизненного, опасного социального состояния. Сегодня настало время ставить вопрос об ином типе множественности, а именно – о гетерогенности. Сущность гетерогенной, или радикальной, множественности несводима ни к диалектике, ни к формальной логике. Социальная гетерология преодолевает представления, согласно которым Я диалектически присутствует в Другом, соединяясь с ним в единстве Системы. Задача гетерологии – изобрести такие теоретические модели множественности, согласно которым Другое А понималось бы не как не-А, отрицание А. Характер терминов в гетерологическом мышлении не должен сводиться ни к отрицанию, ни к противоречию. Различие должно вводиться как посредник между «инаковостью» и «одинаковостью», избегая насильственного определения «иного», по аналогии с уже-известным, как (не) похожее: чужое как НЕ-свое, общественное как НЕ-частное.

Нам представляется, что работа с философским наследием Э. Левинаса – одно из средств выработки адекватного понятийного аппарата для мышления различия, сопротивляющегося универсализации и метатеоретизированию.

Целью данной работы является попытка продемонстрировать функции понятия «насилие» в процессе концептуализации Инаковости и Другого. Иное, в теории Э. Левинаса,

в отличие от Самотождественного, есть условие возможности гетерономии. Гетерономия – в отличие от Автономии классической философии, есть теория, открывающая доступ к «неосредненному», «неаллегрическому», ненасильственному мышлению Другого как Лица. Условиями такого мышления выступает переоценка всех доселе существующих понятийных схем, базирующихся на допущении самотождественности субъекта и, следовательно, подразумевающих первичность факта существования (онтологии) по отношению ко всему остальному. Опыт гетерологического анализа реализуется в этическом отношении Я и Другого. Французский мыслитель выступает против Автономии философии за Гетерономию, против онтологии за этику, против самотождественности субъекта за гетеротомичность опыта, за бытие лицом-к-лицу против акцептуализации данного опыта. Именно бытие в качестве Лица делает возможным существование радикальной множественности, а не численной, плюральной. Радикальная, или гетерогенная, множественность не есть логическое противостояние одного другому. В состоянии радикальной множественности субъекты не могут принадлежать тотальности, они трансцендентны по отношению к ней. Другой в гетерогенной множественности идентифицируется не благодаря месту, занимаемому им в целом, а благодаря собственному «Я». «Я» Другого – это Лицо. Лицо как игра разнонаправленных переменчивых сил есть выражение субъектности. Именно Лик привносит в жизнь антагонизм сил и понятий, плюрализм воли. Точка, где сходятся эти перспективы, не является частью тотальности.

Возможно ли насилие между отделившимися существами, субъектами гетерогенной множественности? И каким образом носители радикальной инаковости вообще могут поддерживать какой-либо тип отношений? Другой есть основание гетерогенной множественности. Фактом своего существования он оберегает отношения от поглощенности тотальностью. Тотальность поглощает лишь ту множественность, которая заключает в себе мир. Состояние войны, отношения насилия – нулевая отметка для существования радикальной множественности. Только существа, способные на войну, могут возвыситься до состояния мира. Война, как и мир, предполагает наличие

сущест, структурированных иначе, чем свойственно частям тотальности. Война не является логическим противостоянием одного другому, как это имело бы место в тотальности. В состоянии войны в «собственном» состоянии субъекты гетерогенности не могут принадлежать тотальности. Отношение насилия не является тотальным. Оно обладает определенной структурой: насилие направлено против того, кого можно захватить и кто при этом ускользает от захвата. Вне этой структуры насилие сводимо к работе. Что же делает Другого отличным от тотальности, открывая неизбежному насилию, и что, тем же ходом, позволяет ему ускользнуть? Какова экономия Другого? Другой, согласно этическому отношению, не подвержен концептуализации. Способ его данности в дискурсе – След. Способ его явленности – Лик. Лик не есть наличие, не есть личная форма присутствия. Лик находит выражение в множественной соотнесенности со всем. Лик в определенном смысле а-выразителен. Форма его выражения – свечение. Сияние Лица – способ удержаться инаковости внутри тождественности. Лик – это становление. Двигаться в сиянии Лица Другого – значит видеть становящуюся несамотождественную составляющую действительности. Сияние Лица Другого дается как след, уходящий в бесконечность, обрекая любой поиск своего первоначала на неудачу.

Лик в философии Э. Левинаса есть общий принцип Инаковости, делающий возможным выделенность, отдельность, индивидуальность, выраженность, артикулированность. Именно на его основе впоследствии могут появляться тождества и различия, способы присутствия и наличия и т. д.

Нельзя сказать, что мерцание, самостирание лица провоцирует насилие. Насилие одновременно, однопорядково мерцанию. Гетерогенная множественность одновременна войне как «нулевой отметке» своего способа существования.

Чтобы отношение между субъектами в гетерогенной множественности стало возможным, необходимо, чтобы многочисленные субъекты были частично независимы друг от друга, частично – взаимосвязаны.

Субъект – существо, независимое от другого и одновременно рискующее в существовании – жизнью, статусом, любовью, – есть существо временное. Неотвратимому насилию

со стороны смерти он противопоставляет активность собственного субъектного существования. Жизнь субъекта как существования, открытого насилию, есть всегда «бытие вопреки», бытие «еще не», бытие «и все же...». Насилие чревато смертью для того, кто отворачивается от него, отказываясь существовать во всей полноте. Реальность времени, а значит, и собственно-субъектная реальность, познается в условиях войны, становится явной под солнцем насилия. Радикальная сущность, субъектность подвержена насилию. Но она же и сопротивляется ему. Насилие нельзя считать случайностью. Но оно есть условие ненависти. Возможно, это и есть онтологически самый живой тип ненависти, живой настолько, чтобы из него можно было извлечь «великую, лишённую двусмысленности радость, не радость ненависти, а радость от желания разрушить то, что калечит жизнь» (Ж. Делез).

Возможность насилия – факт, обладающий порядком изначальности. Угроза смерти – то, что создает реальность сознательного существа и его внутреннего мира. Свобода инаковости обязана факту конечности. Гетерогенная множественность обладает свободой как условием своей возможности. Такая свобода изначально равна нулю и всякий раз рискует не сбыться. Ее существование принципиально точно, дискретно. Свобода открыта в смерти. Время выступает как отсрочка абсолютного насилия, разрядка напряженности. Условие инаковости, ее полисубъектность отодвигает неизбежное. Ловкость как гибкость – одновременность присутствия и отсутствия – интенсифицирует жизнь. «Война может вестись лишь тогда, когда подвергается насилию существо, отодвигающее свою смерть». Насилие, реагируя на присутствие, нацеливается только на Лицо.

Итак, насилие, в определенном смысле, имманентно радикальной множественности. Однако актуальное насилие – лишь один из множества способов существования гетерогенности. Да, гетерогенное существование, как и всякое живое состояние, сопряжено с риском. Но это и имя активистской, творческой позиции, благодаря которой на свете появляются новые смыслы, новые ценности, новые социальные связи. Да, война обитает в гетерогенной множественности, но только внутри нее, наверное, и возможен подлинный мир.